

УДК 347.77/78 (476)

ИНСТИТУТ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ БЕЛАРУСИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

С. С. Лосев

ведущий научный сотрудник,
кандидат юридических наук, доцент,
Национальный центр законодательства
и правовых исследований Республики Беларусь
e-mail: sergei_losev@list.ru

***Аннотация.** Рассматривая концептуальные направления развития законодательства об исключительных правах, автор особое внимание уделяет вопросу установления в законодательстве ограничений исключительных прав, позволяющих обеспечить справедливый баланс интересов правообладателей и общества, а также определяет кодификации законодательства об интеллектуальной собственности в качестве преимущественной формы систематизации правовых норм.*

***Ключевые слова:** исключительные права, интеллектуальная собственность, ограничения исключительного права, систематизация законодательства.*

***Annotation.** Considering the conceptual directions of the development of legislation on exclusive rights, the author pays special attention to the establishment of legislative restrictions of exclusive rights that allow to provide a fair balance of interests of right holders and society, and also defines the codifications of intellectual property legislation as the primary form of systematization of legal norms.*

***Keywords:** exclusive rights, intellectual property, limitations of exclusive right, systematization of legislation.*

Осознание необходимости создания специального правового механизма для охраны результатов литературного, художественного и научно-технического творчества привело к возникновению самостоятельного раздела цивилистики, получившего название «право интеллектуальной собственности», которое в настоящее время включает в себя нормы, предусматривающие правовую охрану широкого круга объектов — результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации. При этом правовая охрана большинства из них обеспечивается при помощи юридической конструкции исключительного права, а институт исключительных прав выступает фундаментом права интеллектуальной собственности. При этом сами исключительные права занимают свое особое место в системе субъективных гражданских прав, отличаясь от прав вещных и прав обязательственных особой, нематериальной природой своих объектов, ограниченностью во времени и пространстве, способах распоряжения, защиты и рядом иных особенностей.

В науке гражданского права представлено достаточно много мнений о том, почему данный вид гражданских прав должен именоваться «исключительными» [1, с. 445 и др.]. Однако общим во всех подходах является то, что исключительность права призвана обеспечить монопольное право его обладателя использовать соответствующий объект интеллектуальной собственности, что обеспечивается как признанием за управомоченным субъектом права на совершение определенных действий, так и установлением запрета для всех прочих лиц совершать аналогичные действия.

В юридической литературе предлагается достаточно много определений исключительного права, в каждом из которых неизменно указывается на абсолютный характер этого права и называются его объекты. В качестве же наиболее универсального определения исключительного права, предложенного в научных работах, можно привести следующее: «Исключительное право — это особая разновидность субъективного гражданского имущественного права абсолютного характера, представляющая собой легальную монополию для правообладателя осуществлять в отношении охраняемых законом результатов интеллектуальной деятельности или приравненных к ним средств индивидуализации комплекс правомочий в течение установленного законом срока и на определенной территории, обеспеченную возможностью применения к нарушителям особых мер защиты» [2, с. 7].

Законодательство Республики Беларусь в области права интеллектуальной собственности является результатом многолетнего эволюционного развития и в настоящее время представляет собой сформировавшуюся подотрасль права и законодательства, которая продолжает активно развиваться. Системный анализ правовых норм и практики их применения позволяет назвать ряд наиболее актуальных проблем, необходимость решения которых предопределяет основные направления развития института исключительных прав. К их числу можно отнести:

- определение структуры и содержания исключительного права как субъективного гражданского права;
- определение общих и специальных пределов осуществления исключительных прав на различные объекты интеллектуальной собственности;
- совершенствование правовых норм, регулирующих договорные формы распоряжения исключительным правом, их адаптация к условиям использования объектов интеллектуальной собственности в цифровой среде;
- развитие правовых норм, посвященных специальным способам защиты исключительных прав, в первую очередь компенсации, присуждаемой судом в случае нарушения исключительного права вместо возмещения убытков;

– определение наиболее оптимальной формы систематизации законодательства в области права интеллектуальной собственности.

Безусловно, анализ всего круга обозначенных выше проблем невозможен в рамках данной статьи. Поэтому остановимся на наиболее значимых из них: проблематике пределов осуществления исключительного права, а также систематизации законодательства.

По мнению профессора А. Л. Маковского, границы, пределы осуществления исключительного права устанавливают исключения, изъятия из состава правомочий, образующих объем, содержание исключительного права и не дают правообладателю ничего взамен этих изъятий. Такие ограничения в большинстве случаев формулируются в законе путем указания на те конкретные действия по использованию результатов интеллектуальной деятельности, которые могут совершать другие по отношению к правообладателю лица без его согласия и без выплаты за такое использование вознаграждения [3].

По своей сути любое исключительное право является легальной монополией, предоставляемой определенному законом лицу для обеспечения его имущественного интереса. Однако монополия субъекта исключительного права не должна быть безгранична — для достижения баланса интересов обладателей исключительных прав и интересов третьих лиц, общества в целом и государства вводятся ограничения этих прав, обеспечивающие для творца лишь ограниченную монополию на результат труда [4, с. 208–209]. По мнению А. Г. Назарова «...можно утверждать, что история развития исключительного права представляет собой противостояние правообладателей и общества, где первые постепенно отвоевывают себе все большую территорию. Это противостояние актуально и сейчас» [5, с. 7]. Поэтому можно говорить о том, что ключевой проблемой права интеллектуальной собственности является определение справедливого баланса интересов обладателей прав интеллектуальной собственности и общества, заинтересованного в получении максимально возможного свободного доступа к достижениям науки, культуры и технического прогресса, в том числе охраняемым в качестве объектов интеллектуальной собственности.

Возможные ограничения исключительных прав различны по своей природе: допускаемое свободное и безвозмездное использование; использование без согласия правообладателя с последующей выплатой справедливой компенсации; характерные для патентного права принудительные лицензии и др. Общим для них всех является то, что объект исключительного права может использоваться правомерно помимо воли обладателя этого права. При этом развитие общественных отношений свидетельствует одновременно о постепенном расширении случаев ограничения исключительных прав, обусловленном увеличе-

нием возможных способов использования объекта, так и о более активном использовании механизмов последующей компенсации правообладателю за осуществляемое без его согласия использование объекта интеллектуальной собственности.

Ключевое значение в определении допускаемых случаев и пределов ограничения исключительных прав имеют нормы многосторонних международных договоров, формирующих глобальную систему охраны интеллектуальной собственности: Парижская конвенция по охране промышленной собственности (1883 г.), Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений (1886 г.), Римская конвенция об охране прав исполнителей, производителей фонограмм и вещательных организаций (1961 г.), Международная конвенция по охране новых сортов растений (1961 г.) и ряд других. Однако, как представляется, нормы международных договоров, посвященные возможным ограничениям исключительных прав, следует рассматривать с точки зрения тех «гибких возможностей», которые позволяют в наибольшей степени учитывать национальные интересы конкретного государства. В этом отношении особое внимание следует уделить нормам Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности 1994 г. (далее — Соглашение ТРИПС). Статья 8 Соглашения ТРИПС, посвященная общим принципам, предусматривает, что при формировании или совершенствовании своих национальных законов и правил государства — члены ВТО могут принимать меры, необходимые для охраны общественного здоровья и питания, содействия общественным интересам в жизненно важных для их социально-экономического и технического развития секторах, а также для предотвращения злоупотреблений правами интеллектуальной собственности со стороны владельцев прав. Значение Соглашения ТРИПС состоит и в том, что данный международный договор использовал «трехступенчатый тест», определяемый как право национального законодателя устанавливать дополнительные ограничения исключительного права, не предусмотренные соответствующим международным договором, 1) в определенных особых случаях при условии, что 2) такое ограничение не наносит ущерба нормальному использованию объекта интеллектуальной собственности и 3) не ущемляет необоснованным образом законные интересы обладателя исключительного права, в качестве универсального инструмента, позволяющего государствам, принадлежащим к различным правовым системам, использовать общие подходы в установлении норм национального законодательства, определяющих основания и пределы ограничения исключительных прав на различные объекты права интеллектуальной собственности. Ориентируясь на закрепленные в Соглашении ТРИПС принципы и «трехступенчатый тест», можно говорить о необходимости пересмотра законодательства Республики Беларусь в об-

ласти интеллектуальной собственности в первую очередь для оценки достаточности предусмотренных в настоящее время ограничений исключительных прав в отношении отдельных объектов интеллектуальной собственности. Для авторского права и смежных прав очевидна необходимость адаптации существующих норм, посвященных допускаемому свободному использованию произведений, исполнений, фонограмм для целей их использования в сети Интернет; для патентного права — расширение использования механизма выдачи принудительных лицензий, включение в национальное законодательство норм, предусматривающих новые основания для их выдачи (например, в интересах охраны общественного здоровья), а также новые процедуры выдачи (в административном порядке).

Вторым концептуальным направлением развития института исключительных прав является определение наиболее оптимальной формы систематизации законодательства. Действующее законодательство Республики Беларусь в области права интеллектуальной собственности построено по многоуровневой схеме: основные положения закреплены в Гражданском кодексе, а детальное регулирование отношений осуществляется на уровне специальных законов и подзаконных актов. Однако нормами специальных законов, несмотря на то, что каждый из них ориентирован на детальное регулирование соответствующей сферы, невозможно исчерпывающим образом урегулировать все правоотношения, возникающие в связи с охраной, осуществлением и защитой личных неимущественных и имущественных прав на объекты интеллектуальной собственности. В связи с этим возникает стратегический вопрос о том, по какому пути должно пойти развитие законодательства: дальнейшее расширение раздела V ГК с сохранением действующих специальных законов либо полная кодификация законодательства об интеллектуальной собственности.

Как отмечают специалисты, кодификация — это сведение к единству всего правового материала путем переработки его внутреннего содержания в стройную, логически цельную и внутренне согласованную систему. В результате кодификации происходит как внутренняя, так и внешняя переработка действующего законодательства в ходе подготовки и принятия нового кодифицированного акта [6, с. 35]. С учетом очевидных преимуществ полной кодификации перед иными формами систематизации можно предварительно ответить на поставленный выше вопрос, выбрав вариант полной кодификации законодательства об интеллектуальной собственности в качестве приоритетного.

Моделируя структуру предполагаемого кодифицированного акта, следует отметить, что в общей части должна быть закреплена система охраняемых объектов, дано определение и раскрыты сущностные особенности исключительного права, его соотношение с другими видами гражданских прав, особенности

распоряжения и защиты, а также названы общие принципы ограничения и исчерпания исключительного права. В особенной части должны быть помещены нормы, определяющие правовой режим отдельных объектов интеллектуальной собственности. Туда же должны быть перенесены все процедурные нормы, содержащиеся в специальных законах, посвященных объектам права промышленной собственности [7].

1. Пиленко А. А. Право изобретателя. М. : Статут, 2001. 686 с. [Вернуться к статье](#)
2. Касьянов А. С. Договорные способы распоряжения исключительным правом : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2011. 34 с. [Вернуться к статье](#)
3. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] / под ред. А. Л. Маковского // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
4. Микрюков В. А. Ограничения и обременения гражданских прав. М. : Статут, 2007. 255 с. [Вернуться к статье](#)
5. Назаров А. Г. Пределы осуществления исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности : монография. М. : Проспект, 2016. 184 с. [Вернуться к статье](#)
6. Сигалов К. Е. Кодификация и правовое время // История государства и права. 2007. № 23. С. 35–37. [Вернуться к статье](#)
7. Лосев С. С. К вопросу о кодификации законодательства Республики Беларусь об интеллектуальной собственности // Юстиция Беларуси. 2019. № 6. С. 55–60. [Вернуться к статье](#)